

№ 810/27 января 1895г. 1/8 л.

L 48430

100 руб

Ф. м. 21
24
1, 195

н. д. Карамелю

А. О. Кони.

305
///

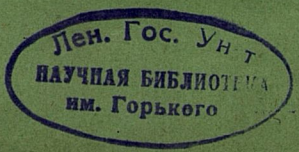
ЮРИДИЧЕСКІЯ ПОМИНКИ
И
О НОВЫХЪ ТЕЧЕНІЯХЪ ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРОЦЕССѢ
ИТАЛІИ И ГЕРМАНИИ.

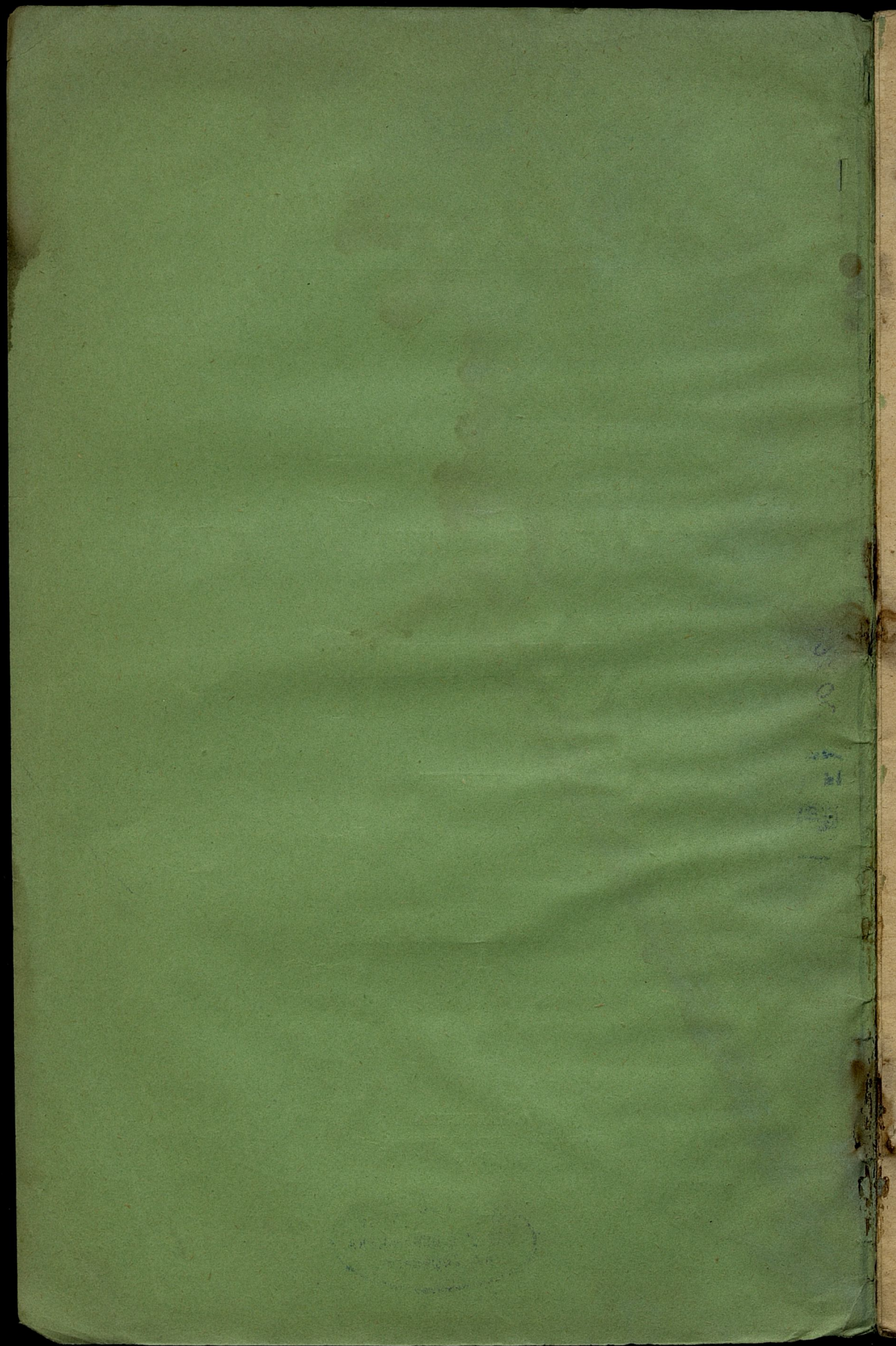

Изъ Журнала Министерства Юстиціи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Правительствующаго Сената.
1895

III 3760

L 48430.

А. О. КОНИ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ПОМИНКИ

И

О НОВЫХЪ ТЕЧЕНІЯХЪ ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРОЦЕССѢ

ИТАЛІИ И ГЕРМАНИИ.

Изъ Журнала Министерства Юстиціи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Правительствующаго Сената.

1895

30404

Печатано съ разрѣшенія Министра Юстиціи.

1720
Heberich

Им. Губернатора
Владимиръ Евграфовичъ
Лен. Губ. 1881

ЮРИДИЧЕСКІЯ ПОМИНКИ
и
О НОВЫХЪ ТЕЧЕНІЯХЪ ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРОЦЕССѢ
ИТАЛІИ И ГЕРМАНИИ.

Сообщеніе въ юридическомъ обществѣ 10 декабря 1894 года.

Приступая къ сообщенію Юридическому Обществу „о новѣйшихъ теченіяхъ, въ уголовномъ процессѣ Италіи и Германіи“, я не могу отрѣшиться отъ двойнаго смущенія. Быть можетъ многочисленное собраніе ждетъ отъ меня серьезнаго научнаго труда, имѣющаго строго и исключительно юридическій характеръ, и не будетъ удовлетворено моей работою, которая есть ничто иное какъ бѣглый отчетъ туриста о слѣданныхъ имъ по пути справкахъ и замѣткахъ. Я не могъ не прислушиваться къ біенію пульса судебна-законодательной жизни на чужбинѣ уже потому, что и у насъ, на родинѣ, этотъ пульсъ забился въ послѣднее время съ особою силою и полнотою, такъ какъ возвѣщена и организована большая, богатая по своимъ возможнымъ послѣдствіямъ и по вліянію на весь правовой народный бытъ, работа. Предпринять капитальный ремонтъ судебной постройки, вызванный необходимою положить предѣлъ пестротѣ и разнообразію несогласованныхъ между собою загородей, пристроекъ и надстроекъ

разныхъ стилей. Онъ долженъ дать всему зданію необходимое и цѣлесообразное единство, которое послужитъ къ его устойчивости и нѣкоторой свободѣ отъ нареканій, часто столь же неосновательныхъ, какъ и ихъ крайняя поспѣшность. Но такой же ремонтъ задумать и идти на западъ, и при-смотреться къ его задачамъ не только полезно, но и необходимо. Быть можетъ въ предположеніяхъ западныхъ юристовъ и законодателей найдутся цѣнныя указанія и для насъ; быть можетъ въ методѣ, которымъ они ихъ проводятъ въ жизнь окажутся разумныя предостереженія.

Но есть и другая причина смущенія, чисто личная. Служебныя занятія и продолжительное нездоровье мѣшали мнѣ принимать активное участіе въ работахъ общества почти полтора года, и теперь, когда я снова говорю въ уважаемой средѣ его, я тщетно ищу привычнымъ взоромъ многихъ изъ его членовъ. Смерть пронеслась въ эти полтора года надъ нами и вырвала изъ этой среды людей, участіе которыхъ въ трудахъ общества и сочувствіе его цѣлямъ составляли то, что выражается трудно—переводимымъ итальянскимъ словомъ „ambiente“, обозначающимъ одновременно и обстановку, и условія, и свойства житейскаго явленія и положенія. Они—эти умершие—съ разныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія составляли то ambiente, которое необходимо для успѣшности безкорыстной работы юридическаго мышленія по теоретическимъ и практическимъ вопросамъ права, разработка которыхъ составляетъ задачу нашего общества.

Такіе люди становятся особенно дороги, когда усталая жизнь клонится къ закату и когда въ лицѣ ихъ, одинъ за другимъ уходятъ соучастники свѣтлыхъ надеждъ, трудовъ и любви къ тому, съ чѣмъ связаны были лучшіе годы жизни. Воспоминаніе о нихъ должно имѣть мѣсто въ засѣданіяхъ ученаго собранія, которому не слѣдуетъ оправдывать слова Пушкина о томъ, что мы „лѣнны и не любопытны“,—хотя къ сожалѣнію это такъ бываетъ въ дѣйствительности и наша жизнь, чрезвычайно впечатлительная въ первыя минуты потерь, затѣмъ быстро навѣваетъ на насъ холодъ забвенія и даже неблагодарности. Мы такъ торопимся забыть нашихъ товарищей и предшествен-

никовъ, какъ будто, несмотря на вялость нашей умственной жизни, все куда то неудержимо стремимся, не имѣя даже времени, чтобъ оглянуться на вышедшихъ изъ строя, на покинувшихъ насъ навсегда. Я думаю, что г. предсѣдатель не будетъ имѣть что либо противъ разрѣшенія мнѣ помянуть въ короткихъ словахъ скончавшихся съ весны 1893 года членовъ общества.

Въ этотъ періодъ общество понесло громадную потерю въ лицѣ *Виктора Антоновича Арцимовича* и *Алексѣя Михайловича Унковскаго*, которые еще ждуть своей полной и всесторонней оцѣнки въ одномъ изъ общихъ собраній общества. Но и теперь уже можно сказать, что это — имена, въ самихъ себѣ заключающія свою общепризнанную оцѣнку и потому стоящія выше обычныхъ похвалъ. Оба усопшіе всѣми силами сердца и разумѣнія послужили великому дѣлу освобожденія крестьянъ и отдали затѣмъ свой опытъ и душевную высоту на службу судебной реформѣ, связанной ближайшими и кровными узами съ крестьянскою. Унковскій явился глашатаемъ новаго судебного строя и провозвѣстникомъ его основныхъ началъ въ рядѣ ученыхъ трудовъ, изданныхъ подъ его руководствомъ; его почтенное имя, какъ издателя или редактора стояло подъ книгами, безъ которыхъ не могъ обойтись въ то время ни одинъ, сознающій свои новыя обязанности юристъ. Это были сочиненія Митермайера „О судѣ присяжныхъ въ Англіи, Шотландіи и Сѣверной Америкѣ“ и „Руководство къ судебной защитѣ“, „Теорія косвенныхъ уликъ“ Уильза и превосходный учебникъ судебной медицины Шауенштейна. Занявъ затѣмъ мѣсто въ рядахъ адвокатуры, А. М. Унковскій былъ примѣромъ той нравственной высоты, на которой можетъ и долженъ стоять присяжный повѣренный, и всею совокупностью своей жизни далъ право обращаясь къ его памяти перефразировать извѣстный стихъ великаго поэта „чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ“ словами „чистѣйшей честности чистѣйшій образецъ“. Онъ умеръ 20 декабря прошлаго года.

Еще раньше его, 2 марта сошелъ въ могилу В. А. Арцимовичъ, глубокій и безтрепетный толкователь, въ качествѣ вальдужскаго губернатора, началъ, положенныхъ въ основу освобожденія крестьянъ, и приложенія ихъ къ практическимъ усло-

віямъ быта, — сразу занявшій затѣмъ въ судебномъ вѣдомствѣ положеніе столь же величавое, какъ величава была его наружность. Надпись на сенатскомъ вѣнцѣ у его гроба „Человѣколюбивому стражу закона“ и на вѣнцѣ отъ неизвѣстныхъ „Отцу сиротъ“ опредѣляютъ собою тѣ полюсы, между которыми, съ неостывающей энергіей и жадой справедливости, двигалась его широкая мысль и билось его благородное сердце. Его голова блестяла умомъ и добротою въ засѣданіяхъ совѣта и общихъ собраній Юридическаго Общества; ея бѣлоснѣжныя сѣдины, подъ которыми скрывалась житейская теплота, напоминали собою снѣжную вершину вулкановъ далекаго, льдистаго и мглистаго сѣвера, внутри которыхъ однако горитъ вѣчное пламя и свѣтитъ издалека....

Но уголовное отдѣленіе Юридическаго Общества понесло еще немалыя потери и въ ряду своихъ постоянныхъ сотрудниковъ. Не говоря уже о *Петрѣ Акимовичѣ Александровѣ*, умершемъ 11 марта 1893 года, быстрая кончина котораго вызвала въ печати многостороннюю его оцѣнку и который, скрывая подъ формою холодной ироніи страстное существо, не мало послужилъ нашему обществу въ трудахъ по пересмотру проекта новаго уголовного уложенія и въ разработкѣ одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ — о раздѣленіи голосовъ при постановкѣ приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ, — общество потеряло 3 января настоящаго года *Павла Яковлевича Левенсона*, своего члена съ самаго своего основанія. Прибывши въ Петербургъ въ 1864 году изъ глухой провинціи съ глубокой жадой знаній и долгіе годы существуя уроками и мелкой литературной работой у покойнаго В. Ф. Корша въ „С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ“, онъ кончилъ курсъ Петербургскаго университета лишь въ 1871 году, пробившись въ юридически образованную среду въ возрастѣ уже болѣе 30 лѣтъ отъ роду. Но время тяжелой житейской борьбы не прошло для него даромъ: раннее и долгое знакомство съ нею научило его отзывчиво относиться къ серьезнымъ запросамъ жизни и понимать ихъ не только умомъ, но и сердцемъ. Отсюда тотъ отгѣнокъ гуманной грусти, которымъ отзывалась его бесѣда, отсюда можетъ быть и болѣзнь сердца,

сведшая его въ могилу. Внимательный и усердный посѣтитель засѣданій Юридическаго Общества, онъ служилъ развитію правовыхъ началъ съ перомъ въ рукахъ. Лучшіе годы „Судебнаго Вѣстника“, особенно 1876 годъ, наполнены его интересными и живыми иностранными юридическими хрониками, которыхъ насчитывается до восемнадцати. Въ то же время онъ напечаталъ статьи объ устройствѣ французско-бельгійской адвокатуры и о жизни французской магистратуры, въ которыхъ очертили, между прочимъ, привлекательный образъ знаменитаго адвоката Сенара. Въ это же время Левенсонъ познакомилъ публику съ новымъ законодательствомъ о печати во Франціи, а его статья о „школѣ присяжной адвокатуры“, въ которой онъ старался разработать большой до сихъ поръ вопросъ о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, вызвала живой обмѣнъ мыслей съ К. К. Арсеньевымъ и В. М. Бобріцевымъ-Пушкинымъ. Его уголовныя хроники въ журналѣ гражданскаго и уголовного права въ концѣ 80-хъ годовъ, указывали настойчивымъ образомъ на опасное увлеченіе своей властью нѣмецкихъ предсѣдателей, преимущественно въ извѣстномъ процессѣ профессора Грефа. Оставшіяся послѣ него воспоминанія защитника, подъ названіемъ: „Съ глазу на глазъ“ и „Дневникъ убійцы“ ждуть своего появленія въ печати.

Февраля 6 скончался отъ разрыва сердца *Алексій Васильевичъ Бѣлостоцкій*, принадлежавшій къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые, по порученію министра юстиціи Замятнина изучали практическую постановку судебного дѣла за границей, предъ введеніемъ у насъ Судебныхъ Уставовъ. Въ это время впиталъ онъ въ себя любовь и безкорыстную преданность къ послѣднимъ. Человѣкъ всесторонне образованный, мягкій и любезный въ обращеніи и стойкій въ своихъ всегда благородныхъ взглядахъ, Бѣлостоцкій принималъ активное участіе въ работахъ общества при разсмотрѣннн прѳекта уголовного уложенія и былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ трудахъ комиссіи сенатора Петерса по изслѣдованію въ 1868 году недостатковъ слѣдственной части, въ работахъ которой содержится и до настоящаго времени множество поу-

чительныхъ указаній на болыне вопросы нашей подслѣдственной процедуры. Вполнѣ обеспеченный и высокопоставленный на службѣ человекъ, онъ былъ однако чуждъ самодвольнаго квіетизма, но настойчиво желая быть полезнымъ, много и разнообразно работалъ по улучшенію тюремнаго дѣла въ 70-хъ годахъ, и быть можетъ, причину его преждевременной смерти отъ разрыва сердца слѣдуетъ искать въ огорченіяхъ, вызванныхъ въ немъ недоразумѣніями и беспорядками въ петербургскомъ Обществѣ Трезвости, дѣлу котораго онъ въ послѣдній годъ жизни отдался всей душой, мечтая поставить его на широкихъ и прочныхъ основаніяхъ.

Въ ночь на 9 августа, вдали отъ Петербурга и тоже отъ страданія сердца, окончилъ свое жизненное поприще *Евгеній Исаковичъ Утинъ*, могущій быть названнымъ „просвѣщеннымъ человекомъ“ во всѣхъ отношеніяхъ. Было бы неумѣстно перечислять его разносторонніе и обширные литературные и публицистическіе труды. Отзывчивый къ вопросамъ искусства, исторіи и политики, онъ оставилъ послѣ себя цѣлый рядъ интересныхъ изслѣдованій, написанныхъ талантливой рукой“. Достаточно упомянуть „О практической философіи XIX столѣтія“, представляющей тонкій разборъ рѣчей Бисмарка, о біографіи Берне, о блестящей біографіи и характеристикѣ Рабле, о послѣдней книгѣ „Князь Бисмаркъ и Императоръ Вильгельмъ“. Подвижная натура и воспріимчивый умъ не разъ призывали его туда, гдѣ разыгрывались историческія драмы, и плодомъ такихъ его публицистическихъ поѣздокъ явились „Письма изъ Болгаріи“ и письма изъ подавленной несчастіями, всѣми оставленной Франціи въ 1871 году, напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы“. Дѣятельное участіе Утина въ трудахъ общества по разсмотрѣнію проекта уложенія дало ему возможность, при памятныхъ многимъ изъ насъ преніяхъ по вопросу о постановкѣ въ новомъ уложеніи понятія и условій вмѣненія съ участіемъ приглашенныхъ психіатровъ, выказать большія знанія въ области душевныхъ болѣзней, лекціи о которыхъ онъ спеціально слушалъ. Его защитительныя рѣчи подвергались нѣкоторыми критикѣ за свой нѣсколько приподнятый тонъ; но всякій, кто зналъ его близко, не сомнѣвался, что

этотъ тонъ служилъ выразителемъ искреннихъ убѣжденій и теплаго отношенія къ судьбѣ подсудимаго. Утинъ былъ образецъ образованнаго юриста, т. е. именно такого человѣка, въ которомъ общее образованіе идетъ впереди спеціальнаго, окрашивая и расширяя послѣднее. Сухія научныя изслѣдованія или отчетливое знаніе статей закона и касационныхъ рѣшеній не создаютъ еще юриста въ настоящемъ и желательномъ смыслѣ слова. Въ первомъ случаѣ, онъ становится глухъ къ требованіямъ жизни, неумѣщающимся въ теоретическія схемы,—во второмъ онъ становится тѣмъ, что высшій сановникъ судебного вѣдомства въ семидесятихъ годахъ остроумно назвалъ „статистомъ“, производя это слово отъ „статьи“, но вмѣстѣ съ тѣмъ и характеризую ту роль, которую такіе люди играютъ въ отправленіи правосудія. Широкое и глубокое образованіе, знакомство съ исторіею искусства и литературою необходимы для человѣка, посвятившаго себя служенію правосудію. Только благодаря имъ можно не опасаться обратить своего „служенія“ въ ремесло. Этими знаніями надо запасаться въ возможно широкихъ размѣрахъ, иначе обыденная рядовая дѣятельность заглушитъ въ дальнѣйшіе годы жизни то, въ чемъ служеніе должно искать себѣ опору и основаніе—живой общественный организмъ, а высшій предметъ правосудія—живой человѣкъ съ его несчастіями, паденіями, преступленіями, но и съ Божьей искрой, которая во всякомъ теплится—исчезнетъ изъ виду и замретъ подъ мертвыми формулами, которыя тѣмъ болѣе несправедливы, чѣмъ болѣе приложимы ко всѣмъ безъ всякаго различія. Молодымъ юристамъ, входящимъ въ жизнь, такъ хочется сказать словами Гоголя: „Забирайте съ собою, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія—не оставляйте на дорогѣ, не подымете потомъ!“ А къ этимъ движеніямъ, конечно относятся и пылливость ума, и жажда новыхъ знаній. Всякій, знавшій Утина не забудетъ его безупречную адвокатскую дѣятельность, его сочувствіе къ начинающей жизненный путь молодежи, его „влюбчивость“ въ новыхъ для него людей, стоившую ему многихъ разочарованій, но не очерствившую его сердце. Эти его

свойства особенно почувствовались послѣ его смерти, когда невольно осталось болѣзненное сознание, что изъ нашей среды ушелъ не только просвѣщенный, но и добрый человѣкъ.

Наконецъ, 14 іюля прошлаго года скончался *Алексій Алексѣевичъ Марковъ*, не достигшій еще 45 лѣтъ. Его дѣятельность по Юридическому Обществу должна быть у многихъ въ памяти. Не говоря о прекрасныхъ работахъ его по проекту уложенія, нельзя забыть ни его доклада въ 1883 году о нашемъ безприсяжномъ судѣ, ни доклада его въ 1890 году объ обжалованіи приговоровъ оправданными подсудимыми. Первый изъ нихъ былъ вызванъ пристрастными и односторонними нападеніями на дорогой ему судъ присяжныхъ. Защищая его, Марковъ пошелъ по новому пути: не споря противъ непродуманныхъ и поспѣшныхъ укоровъ, онъ обратился къ разсмотрѣнію того, чѣмъ хотѣли противники этого суда его замѣнить. „Хорошо, сказалъ онъ, пусть этотъ судъ присяжныхъ, столь хулимый, дѣйствительно плохъ; но посмотримъ поближе на то, чѣмъ можете похвастать вы, въ области суда безъ присяжныхъ“, и пошелъ въ станъ противниковъ суда присяжныхъ для изученія и выводовъ. Уже раньше въ 1881 году въ блестящемъ докладѣ тогдашняго прокурора С.-Петербургской судебной палаты о приговорахъ палаты съ сословными представителями было указано на то, что эта форма суда почти не достигается, не смотря на свою дороговизну, цѣли увеличенія уголовной репрессіи. Марковъ обратился къ простому коронному суду безъ всякихъ представителей и показалъ, какою плохую замѣною суда присяжныхъ былъ бы онъ,—не закрывая глазъ на недостатки послѣдняго и не преувеличивая его достоинствъ, онъ настаивалъ, прежде всего, на томъ, чтобы этотъ судъ былъ поставленъ въ надлежащія условія дѣятельности и чтобы простые, изъ крестьянскаго сословія, присяжные, свято отправляющіе свои обязанности въ провинціи, часто голодая, холодая и нанимаясь въ промежутки между днями засѣданій на поденныя работы, чтобы пропитаться, получали хоть то маленькое обезпеченіе, которое имъ предлагалось многими земствами и которое было, на почвѣ холодныхъ разсужденій формальнаго свойства о безвозмездномъ пользованіи ими своимъ правомъ

быть судьями, отвергнуто первымъ Департаментомъ Сената. Марковъ указывалъ на ту рутину, въ которую впадаетъ обыкновенно неприязненный судъ, для которую формы, имѣющія значеніе гарантій правильности отправленія правосудія, не имѣютъ значенія, — который не призывается руководящимъ присутствіемъ предсѣдателя къ отдачѣ себѣ яснаго отчета о подлежащей ему по каждому дѣлу задачѣ и не представляетъ, по своему равнодушному отношенію къ работѣ сторонъ, какой либо школы для выработки полезныхъ для правосудія условій и приемовъ судебного состязанія. Во второмъ своемъ обширномъ докладѣ Марковъ разработалъ совершенно новый и очень жизненный вопросъ. Исходя изъ столь часто присутствующей подсудимому необходимости и послѣ оправданія очиститься отъ тѣни, отъ пятна, брошенныхъ на него самымъ фактомъ преданія суду, или отъ очень тягостныхъ мотивовъ оправданія, Марковъ, подробно разобравъ всѣ возможные случаи допустимости обжалованія оправдательныхъ приговоровъ, указалъ на необходимость послѣдовательныхъ измѣненій самой формулы оправдательныхъ приговоровъ. Оба доклада въ свое время были напечатаны и составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу юридическую литературу.

Не менѣе полезна была его практическая дѣятельность. Отдавшись ей тотчасъ по окончаніи курса училища Правовѣдѣнія, въ свѣтлую эпоху первыхъ годовъ судебной реформы, Марковъ не зналъ въ ней ни утомленія, ни спокойствія и умѣлъ своимъ высокодоброевѣстнымъ трудомъ и знаніемъ дѣла занять почтенное мѣсто между выдающимися дѣятелями петербургской прокуратуры въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, когда замѣчательные по своему ораторскому таланту товарищи прокурора, имена которыхъ всѣмъ извѣстны и блестятъ нынѣ въ рядахъ адвокатуры и оберъ-прокуратуры, выступали по зауряднымъ дѣламъ и когда заключенія въ гражданскихъ отдѣленіяхъ окружнаго суда предъявлялъ юристъ такой силы, какъ Боровиковскій. Въ особенности важна была дѣятельность Маркова по производству прокурорскихъ дознаній, которыми по смыслу уставовъ и согласно установившейся тогда практикѣ, прокуратура лично провѣряла обстоятельства важнѣй-

нихъ дѣлъ, подлежащихъ ей вѣдѣнію. Такимъ образомъ Маркову пришлось играть весьма важную роль въ знаменитомъ процессѣ о поджогѣ паровой мельницы Овсянниковымъ. Это дѣло, вызвавшее особенное и страстное вниманіе общества, вмѣстѣ съ дѣломъ игуменни Митрофаніи было нагляднымъ доказательствомъ стойкаго исполненія чинами судебного вѣдомства высокаго завѣта „творить судъ равный для всѣхъ“. Въ половинѣ 70-хъ годовъ, не смотря на близившея десятилѣтіе судебной реформы, для многихъ это послѣднее свойство суда еще представлялось чѣмъ то не только не нормальнымъ, но и прямо необычайнымъ и вызывало обидное и насмѣшливое недоувѣріе заграницей. Наши западные сосѣди, лукаво поглядывая въ нашу сторону, отказывались вѣрить, чтобы въ „подкупной“ (bestechbare) странѣ видное общественное положеніе или большое богатство не служили прочной и непреоборимой защитой противъ уголовного правосудія, примѣнимаго только къ бѣднякамъ. „Изъ Петербурга пишутъ, иронически восклицалъ „Кладеррадачъ“, что двенадцатикратный (zwoelffache) милліонеръ Овсянниковъ арестованъ. Непостижимо! Или у него вовсе нѣтъ 12 милліоновъ, или же мы на дняхъ услышимъ, что *одинадцатикратный* милліонеръ Овсянниковъ освобожденъ отъ преслѣдованія!... Горечь этой оскорбительной ироніи какъ будто усиливалась тѣмъ, что въ прошломъ за Овсянниковымъ было свыше десяти судимостей нисшими судами стараго устройства, изъ которыхъ онъ выходилъ съ самоувѣреннымъ торжествомъ, несмотря на то, что между этими дѣлами находились и дѣла о побояхъ нанесенныхъ должностнымъ лицамъ. Судъ и присяжные свершили тяжелый трудъ по этому дѣлу съ честью и хотя раздавались отдѣльные голоса, утверждавшіе, что Овсянниковъ осужденъ за свои прошлыя прегрѣшенія, а не за настоящее преступленіе, но если припомнить, что дѣла о такихъ, совершаемыхъ въ тайнѣ и съ оглядкою, преступленіяхъ какъ поджогъ, не даютъ прямыхъ доказательствъ, особливо, когда обвиненіе сводится къ подстрекательству на поджогъ третьяго лица, и что въ разборѣ дѣла участвовали самыя блестящія силы защиты и обвиненія, то можно сказать, что въ предѣлахъ доступнаго человѣческому

правосудію разумѣнія было совершено все возможное. Не даромъ, извѣстный глубиною своего ораторскаго таланта, повѣренный гражданскаго истца по дѣлу отвѣтилъ на обращенный къ нему упрекъ въ не приведеніи прямыхъ доказательствъ, а лишь косвенныхъ уликъ: „ну да, у насъ лишь черточки и штрихи, но изъ нихъ составляются очертанія, а изъ очертаній буквы и слоги, а изъ слоговъ слово и слово это *поджогъ!*“ Но когда этотъ поджогъ произошелъ, озаривъ громаднымъ заревомъ петербургское небо, то въ вызванномъ имъ пожарѣ было усмотрѣно полиціею лишь простое „происшествіе“, подлежащее, согласно ея сообщенію слѣдователю, погребенію подъ пскровомъ 309 ст. уст. угол. суд. Тогдашній прокуроръ, задумавшійся надъ причинами громаднаго пожара, поручилъ Маркову произвести на мѣстѣ личное дознаніе. Оно продолжалось нѣсколько дней. Марковъ отдался ему всецѣло и результатомъ его добросовѣстнѣйшаго и кропотливаго труда было возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ Овсянникова, причемъ въ основаніе дальнѣйшей слѣдственной работы легло именно это дознаніе.

У всѣхъ сослуживцевъ въ памяти труды Маркова въ кассационномъ Сенатѣ и его усиленная работа въ Варшавѣ, подравная въ значительной мѣрѣ его силы. О трудолюбіи его и желаніи работать упорно на пользу судебнаго дѣла говорить и огромный, почти оконченный имъ, трудъ выдѣленія изъ океана кассационныхъ рѣшеній тѣхъ, въ которыхъ сказано Сенатомъ окончательное слово по вопросамъ права и судопроизводства. Какъ человѣкъ настойчиваго труда, какъ постоянный труженикъ юридической мысли, какъ добрый товарищъ и неоцѣненный сотрудникъ, скромный и привѣтливый собесѣдникъ, всегда повидимому бодрый, какъ тонкій знатокъ искусства и сознательный, вдумчивый любитель природы, Марковъ заслуживалъ бы доброй памяти уже и въ томъ случаѣ, если бы только этимъ исчерпывалась его нравственная личность. Но смерть его раскрыла такія стороны въ его духовномъ существѣ, которыя показали, что онъ любилъ всѣмъ сердцемъ нѣчто большее, чѣмъ ежедневный служебный трудъ и что нерѣдкія грустныя ноты въ его наружной веселости были

вызваны тѣмъ, что эту свою любовь онъ принесъ въ жертву дѣлу, на службу которому онъ пошелъ, какъ безкорыстный, простой и непритязательный, но вѣрный своему долгу воинъ. Марковъ, въ немногія минуты свободнаго распоряженія временемъ, занимался, такъ сказать урывками, живописью; но послѣ его смерти изъ его разбросанныхъ и недоконченныхъ произведеній и этюдовъ составила цѣлая выставка, открытая для публики и вызвавшая со стороны знатоковъ признаніе въ покойномъ несомнѣннаго таланта и большихъ способностей къ живописи, не дошедшихъ до своего высшаго развитія лишь по недостатку времени для систематическихъ занятій. Оказалось, что подъ обличіемъ судебного работника таился горячій художникъ, понимавшій чуткою душою таинственное созвучіе красокъ. При жизни его, строгая и разборчивая редакція одного изъ большихъ нашихъ журналовъ помѣстила нѣсколько мелкихъ его стихотвореній и удачныхъ переводовъ изъ Гейне, составлявшихъ повидимому оставленную затѣмъ „пробу пера“; но когда онъ умеръ, то въ портфель его оказалось свыше 300 стихотвореній, въ изящной формѣ которыхъ звучатъ меланхолическія ноты истинной поэзіи, такъ что все его художественное наслѣдіе рисуется въ широкомъ и трогательномъ свѣтѣ. Онъ является типическимъ образцомъ тѣхъ людей, которые во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, безповоротно и не боясь внутреннихъ жертвъ, пошли на службу новому судебному дѣлу, въ которомъ они видѣли залогъ развитія дорогой имъ родины и удовлетвореніе душевной потребности въ справедливости. Входя въ храмъ, гдѣ былъ алтарь той богини, которой они посвятили безропотно и довѣрчиво свою жизнь, не одинъ изъ нихъ сложилъ у его воротъ перо писателя, кисти художника, инструменты опытнаго изслѣдователя. Избранницѣ ихъ пришлось вести жизнь не особенно спокойную—она успѣла сильно постарѣть, морщины покрыли ея лицо и свѣтлый взглядъ ея подчасъ затуманивается; но они остались вѣрны своему первому чувству, какъ остался ему вѣренъ Марковъ, хотя быть можетъ у многихъ дѣло не обошлось порою безъ невольнаго подавленнаго вздоха о возможности иного склада своей жизни. Въ тѣхъ 300 стихотвореніяхъ, которыя самимъ Марковымъ

повидимому не предназначались для печати, встрѣчаются мѣста, ярко рисующія его душевное состояніе и ту, невидимую для большинства, жертву, которую онъ приносилъ судебному дѣлу сознательно и съ любовью. Искусство и поэзія манили его, вторгались въ его служебныя занятія....

„Лѣнныя рифмы не идутъ порой,
Но вдругъ какъ осадятъ толпами,
Не знаю, что дѣлать съ своей головой
Пишу „отношенье“ стихами...
Пишу „обвинительный актъ“
Про „третію кражу безъ взлома“...
А грезятся—море, и небо, и садъ
Душою владѣть истома... и т. д.

Такъ писалъ онъ въ 1875 году; въ 1881 онъ говоритъ въ одномъ изъ стихотвореній:

„О! помню я... были мгновенья
Порывовъ впередъ, вдохновенья
И гордыхъ мечтаній и сновъ....
Мірѣ свѣтлый—искусства созданья,
Мірѣ красокъ, картинъ, изваянья,
Я чувалъ, я слышалъ твой зовъ!
Въ твой храмъ заповѣднѣй и чуднѣй
Вошелъ я какъ послушникъ блуднѣй,
Былъ труденъ мой путь и суровъ...
Смиренно съ душой умиленной
Надеждой святой окрыленный
Я шель, не жалѣя трудовъ...
• • • • •
• • • • •
Но нѣтъ! не простится измѣны,
Тотъ міръ промѣнялъ я на стѣны
И мрачныя своды судовъ

Разсудкомъ живу боязливо,
 Трудясь весь день кропотливо
 Работой невидной кротовъ.
 Могучь океанъ ледовитый,
 Въ немъ тонетъ такъ въ щепы разбитый
 Корабль, затерявшись средь льдовъ...

Обращаюсь къ предмету моего сообщенія.

Объединеніе Италіи подъ верховнымъ главенствомъ чело-
 вѣка, котораго благодарные подданные называли королемъ
 между джентельменами и джентельменомъ между королями,
 вызвало и объединеніе кодексовъ вновь сложившагося госу-
 дарства. Въ 1865 году появился *Codice di procedura penale*. Но
 уже и тогда старое и печальное изрѣченіе пессимиста „ни
 одно доброе дѣло не остается безъ наказанія“ стало выра-
 жаться скрытнымъ и смутнымъ недоброжелательствомъ къ
 Франціи, столь много сдѣлавшей для того, чтобы помочь Ита-
 лии сложиться въ единое національное цѣлое, недоброжелатель-
 ствомъ, перешедшимъ потомъ въ открытую непріязнь. Уставъ
 1865 года, дополненный въ 1874 и 1877 годахъ, вызвалъ про-
 тивъ себя нареканія именно потому, что за образецъ ему послу-
 жили французскій *Code d'instruction criminelle*. Сначала эти на-
 реканія ставились на почву національныхъ и этнографическихъ
 особенностей обоихъ родственныхъ, но столь часто враждебныхъ,
 романскихъ народовъ. Говорилось, что быстро воспламеняющійся
 и скороостывающій, впечатлительный и легкій характеръ фран-
 цузовъ существенно отличается отъ глубокой страстности и
 пламенной энергіи характера итальянскаго и что поэтому тѣ
 приемы и способы процесса, съ которыми мирится французскій
 терпѣливый и уравновѣшенный присяжный, невыносимы для под-
 вижнаго итальянца. Доказывалось, что необходимо дать не только
 присяжнымъ, но и представителямъ сторонъ гораздо большую
 самостоятельность при разсмотрѣннн дѣль, не обрекая на бездѣй-
 ствіе однихъ до судебныхъ преній, а другихъ—до постановленія
 приговора; иначе накопившіяся и долго сдержанныя страсти
 выразятся съ чрезмѣрной рѣзкостью и односторонностью, иска-

жающими дѣло правосудія. Надо создать отдушину для мыслей и чувствъ, волнующихъ слушателя и участника во время судебного слѣдствія, а не сдерживать ихъ для того, чтобы потомъ они вырвались наружу съ разрушительнымъ трескомъ вулканическаго изверженія. Изъ такихъ и имъ подобныхъ соображеній вытекъ въ 1880 году проектъ министра юстиціи Вилла, введшій перекрестный допросъ свидѣтелей, постановку вопросовъ присяжнымъ по почину и указаніямъ сторонъ, и возложившій на предсѣдателя обязанность предлагать присяжнымъ баллотировать, при каждомъ новомъ доказательствѣ, представляемомъ неожиданно стороною, вопросъ о необходимости его разсмотрѣнія. При этомъ предсѣдателя на судѣ присяжныхъ предполагалось освободить отъ соучастія членовъ коронной коллегіи, такъ какъ, по замѣчанію итальянскихъ юристовъ-практиковъ, такіе члены, въ силу мелкаго личнаго самолюбія, стараются всегда голосовать *противъ* предложеній и мнѣній предсѣдателя, оказывая ему не подспорье, а лишь создавая ненужныя, а иногда и прямо вредныя, затрудненія при веденіи дѣлъ. Этотъ проектъ, предоставлявшій между прочимъ обвиняемому особую поддержку предсѣдателя въ смыслѣ разъясненія ему его правъ и положенія его на судѣ и предоставленія ему способовъ оправданія, ту поддержку, о которой съ благородной справедливостью говоритъ ст. 612 нашего устава уголовного судопроизводства, встрѣтилъ однако горячую критику, преимущественно со стороны извѣстнаго юриста Кривеллари, который возсталъ противъ такой роли предсѣдателя, не долженствующаго надѣвать, какъ онъ выразился, костюма защитника („assume le veste del difensore“) и противъ перекрестнаго допроса, какъ не принятаго даже и германскимъ уставомъ. Проектъ Вилла остался безъ дальнѣйшаго движенія, хотя и обсуждался въ палатѣ. Онъ былъ, въ свое время, подробно разобранъ профессоромъ Вульффертомъ.

Въ 1889 году сдѣланъ былъ новый шагъ къ освобожденію итальянскаго процесса отъ французскаго вліянія, выразившійся въ сильномъ ограниченіи компетенціи суда присяжныхъ, какъ „не національнаго учрежденія“, въ соответствующую

щей этому коррекціоналізації преступленій, въ расширеніи области вѣдѣнія судьи первой инстанціи—претора и даже въ замѣнѣ названія *tribunale соггезionale* названіемъ *tribunale penale*. На ряду съ этимъ законъ 8 ноября 1889 года объ организаціи общественной безопасности (*legge et regolamento sulla pubblica sicurezza*) далъ особое развитіе разнообразнымъ органамъ дознанія, которое сдѣлалось сильнымъ орудіемъ въ рукахъ не только прокуратуры и слѣдственныхъ судей, но и претора и даже предсѣдателя *tribunale penale*. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ установленъ единый уголовный кассационный судъ въ Римѣ, тогда какъ для гражданскихъ дѣлъ осталось по прежнему пять отдѣльныхъ кассационныхъ судовъ въ Ломбардіи, Тосканѣ, бывшей папской области, въ Неаполѣ и Палермо, въ виду особенностей гражданскихъ обычаевъ и мѣстнаго права этихъ частей Италіи, преимущественно въ области сервитутовъ, владѣнія недвижимою собственностью и порядка укрѣпленія правъ на имущество.

Впослѣдствіи при министерствѣ Рудини былъ намѣченъ новый проектъ Боначчи, переработанный нынѣ въ министерствѣ Криспи министромъ юстиціи Тавани ди Календа. И этотъ проектъ проникнуть непріязнью къ французскимъ учрежденіямъ, причемъ, вопреки очевидности, въ объясненіяхъ по поводу его, французамъ приписывается даже столь свойственная итальянцамъ страсть къ декламаторству и наклонность къ тяжбамъ. Основныя положенія этого проекта сводятся къ чрезвычайному ограниченію или даже почти къ уничтоженію апелляціи, которая допускается лишь на приговоръ единоличныхъ судей, да и то лишь въ случаяхъ, если предварительно были сдѣланы возраженія противъ ихъ компетенціи. Застарѣлыя и коренныя недостатки апелляціоннаго производства съ его безплоднымъ повтореніемъ одной и той-же работы, причемъ исчезаетъ элементъ непосредственности—и такимъ образомъ уменьшается объемъ обсуждаемыхъ доказательствъ—въ достаточной мѣрѣ оправдываютъ мысль проекта Боначчи. На ряду съ этимъ широко раздвигаются предѣлы и случаи возобновленія уголовныхъ дѣлъ, поводы къ коему насчитываются въ числѣ девяти; коррекціоналізацію уголовныхъ

30404

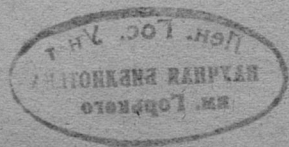
преступлений предполагается повести еще дальше, изъавъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ всѣ дѣла, за исключеніемъ политическихъ, по преступлениямъ печати и такихъ, которыя составляютъ нарушенія не только уголовного закона, но и заповѣдей Моисея, причемъ однако изъ послѣднихъ совершенно исключаются „не укради“ и въ значительной мѣрѣ „не прелюбы сотвори“. Такимъ образомъ проектъ устанавливаетъ преобладаніе, въ предѣлахъ весьма большой подсудности, короннаго суда, таеъ называемыхъ *judici togati*. Особенное вниманіе обращено на улучшение веденія дѣла на судѣ. По отношенію къ судебнымъ засѣданіямъ проектъ требуетъ ограниченія защиты подсудимыхъ по избранію лишь *двумя лицами*, а въ случаѣ несогласія подсудимаго на это число предоставляетъ суду замѣнить ихъ однимъ, назначаемымъ отъ короны. Это ограниченіе вызвано крайнимъ злоупотребленіемъ правомъ имѣть защитниковъ, проявившимся съ особенною силою въ позорномъ процессѣ Римскаго Банка, гдѣ напримѣръ одинъ лишь главный подсудимый директоръ банка Танлонго имѣлъ девять защитниковъ, выставивъ въ качествѣ таковыхъ вовсе не юристовъ, а своихъ политическихъ единомышленниковъ и кліентовъ, обѣлявшихъ своего щедрого на чужія деньги патрона приемами, совершенно чуждыми судебному дѣлу. Вопросы присяжнымъ предполагается ставить *до начала судебныхъ преній*, чтобы этимъ, какъ объясняютъ составители проекта, оградить судъ отъ неожиданнаго, хотя и заранѣе подготовленнаго возбужденія въ рѣчахъ сторонъ вопроса о вѣнненіи, всегда смущающаго совѣсть присяжныхъ и вовсе не провѣреннаго на судебномъ слѣдствіи.

Стремленіе къ обобщенію отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ и къ построенію на этихъ обобщеніяхъ цѣлыхъ теорій, съ нервной поспѣшностью проводимыхъ въ законъ и практику, составляетъ характерный признакъ итальянской жизни и науки за послѣднее время. Стоитъ припомнить крайнія увлеченія послѣдователей ученій уголовно-антропологической школы. Такая поспѣшность въ проведеніи новыхъ теорій въ практику сказывается, между прочимъ, напримѣръ въ организациі около Флоренці дома умалишенныхъ въ Санъ Салти и уголовной больницы (*manicomio penale*) близъ Пизы,

въ Монтелупо. Первый устроень превосходно, но и въ немъ обособлень цѣлый разрядъ больныхъ, *френастениковъ*, причемъ въ него введены люди, страдающіе обычною неврастеніею и лишь потому отнесенные къ сумасшедшимъ, что они почему либо представляютъ воспримчивую почву для посторонняго дурнаго воздѣйствія. Излишне говорить, къ какимъ злоупотребленіямъ можетъ привести въ жизни объявленіе сумасшедшимъ, почерпнутое не изъ свойствъ страданій, а изъ внѣшнихъ, случайныхъ обстоятельствъ. Уголовная больница въ Монтелупо заслуживаетъ внимательнаго изученія. Она очень интересна, но и въ ней содержатся люди, въ сущности здоровые, но лишь совершившіе преступленіе „възапальчивости и раздраженія“, столь свойственныхъ пылкой итальянской природѣ, или же обнаружившіе столь естественный упадокъ нервной силы тотчасъ же *послѣ совершенія* тяжкаго и кроваваго преступленія; при этомъ эти естественныя проявленія человѣческой природы, дающія законное право на снисхожденіе и на смягченіе наказанія, считаются основаніями для полного невмѣненія подѣ громкимъ названіемъ „психической эпилепсіи“ или подѣ устарѣлымъ терминомъ „*gartus melancholicus*.“

Наклонность къ поспѣшнымъ обобщеніямъ видна и въ пресловутомъ музеѣ профессора и сенатора Монтегацца во Флоренціи, который пріютился рядомъ съ богатыми правительственными антропологическими коллекціями и носитъ громкое названіе „Психологическаго музея“, съ раздѣленіемъ на очень заманчивые по названіямъ разряды, имѣющіе цѣлью дать внѣшнюю картину душевныхъ движеній человѣка, на сколько они находятъ себѣ выраженіе въ вещественномъ мірѣ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи музея оказывается, что отдѣлъ *религіознаго чувства* (*sentimenta religiosa*) составлень безъ всякой внутренней системы, изъ четокъ, лампадъ, буддійскихъ идоловъ, русскихъ иконъ и выдѣланныхъ татуированныхъ человѣческихъ кожъ, производящихъ своимъ видомъ крайне непріятное впечатлѣніе; отдѣлъ *ревности* (*gelosia*) представленъ нѣсколькими кинжалами неизвѣстнаго происхожденія; отдѣлъ *жестокости* (*crudeltà*)—плохими литографіями, которыя можно бы назвать итальянскими лубочными картинами, изображающими

святыхъ католической церкви и орудія ихъ мученій; отдѣлъ *суетности* (*vanita*) дамскимъ тюнюркомъ, парюю длинныхъ шведскихъ перчатокъ и кринолиномъ. Въ отдѣлѣ *различныхъ чувствъ* (*sentimenta varia*) почему то хранится пара русскихъ торжковскихъ шитыхъ рукавицъ, а объ отдѣлѣ *чувственности*, доступъ въ который особо затрудненъ—и говорить не стоитъ, до того онъ не серьезенъ.

Затѣмъ проектъ Боначчи, въ качествѣ желательнаго нововведенія указываетъ на уже имѣющееся у насъ право присяжныхъ участвовать въ постановкѣ вопросовъ и устанавливаетъ расширение правъ предсѣдателя относительно объема его руководящаго напутствія присяжнымъ, вводя въ него объясненіе общихъ основаній для сужденія о силѣ доказательствъ, нынѣ существующее и притомъ только лишь отчасти, исключительно по дѣламъ о преступленіяхъ печати. Въ этихъ дѣлахъ, согласно уставу 1865 года и его позднѣйшимъ модификаціямъ, предсѣдатели обязаны объяснять присяжнымъ тотъ приѣмъ, котораго имъ слѣдуетъ держаться въ оцѣнѣ произведенія, вызвавшего судебное преслѣдованіе. „Законъ не требуетъ,—долженъ сказать присяжнымъ предсѣдатель, согласно ст. 498 устава,—отъ васъ сужденія *отдѣльныхъ выраженій* и ихъ оцѣнки, а также заключенія о томъ, какое значеніе *можетъ имѣть* каждое изъ нихъ, будучи понимаемо въ болѣе или менѣе широкомъ смыслѣ, но обязываетъ васъ спросить себя въ *тихой сосредоточенности* (*nel silenzio e nel raccoglimento*) и по чистой совѣсти—(*nell'asincerta della loro coscienza*), какое *общее впечатлѣніе* произвело на вашу душу подлежавшее вашему разсмотрѣнію печатное произведеніе *во всей его цѣлости*“. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ мотивахъ къ проекту настойчиво отвергается принятое въ женеvскомъ кантонѣ, по закону 1 октября 1890 года участіе предсѣдателя въ совѣщаніяхъ присяжныхъ о виновности и голосованіе его съ ними вмѣстѣ по вопросу о наказаніи. Проектъ справедливо находитъ, что сомнительное качество такого участія обращаетъ присяжный судъ въ судъ шеффеновъ, которому даже и на родинѣ его не отданы дѣла, подсудныя присяжнымъ. Поэтому Боначчи рѣшительно возстаетъ противъ такого рода опеки надъ присяжными засѣдателями и съ этимъ

нельзя не согласиться. Опекунскія дѣла вездѣ и всегда идутъ плохо.

Къ существеннымъ улучшеніямъ нынѣшняго итальянскаго процесса относится уничтоженіе существующаго по ст. 504 и 507 устава—парламенскаго, но не судебного приема подачи голосовъ присяжными, въ силу котораго имъ предоставляется не только отвѣчать утвердительно или отрицательно на вопросъ о виновности, но и власть въ урну бѣлые билетки, означающіе воздержаніе отъ подачи голоса. Такіе билетки считаются поданными въ пользу подсудимаго. Если же однако ихъ подано болѣе шести, то дѣло слушается вновь. Въ сущности, такимъ образомъ вопросъ о невиновности можетъ быть рѣшаемъ тремя присяжными, о виновности—четырьмя. Возможностью воздерживаться отъ подачи голоса присяжные въ Италиі стали очень злоупотреблять, такъ что, по заявленію итальянскаго министра юстиціи, бывають случаи, гдѣ число воздержавшихся отъ подачи голоса доходитъ до десяти. Это совершенно ненормальное и подрывающее отправленіе правосудія явленіе характеризуетъ собою то общее утомленіе и равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, которое замѣчается въ Италиі, истощенной громадными расходами на военныя издержки, необходимо требуемая участіемъ въ тройственномъ союзѣ,—пошатнувшимся кредитомъ, благодаря которому серебряная монета ушла изъ Италиі и замѣнилась мѣдною, которую поставяетъ даже Аргентинская республика, и чрезмѣрными налогами, поражающими не менѣе 27% чистаго дохода по отношенію къ недвижимой собственности, а въ сѣверныхъ провинціяхъ Италиі доходящими до баснословнаго размѣра 74% чистаго дохода. При такомъ тяжкомъ напряженіи платежныхъ силъ страны, порождающемъ чрезвычайное развитіе нищенства даже въ благословенной Тосканіи и частые случаи самоубійства изъ за безвыходной нищеты, бюджетъ обремененъ платою массѣ совершенно ненужныхъ должностныхъ лицъ, двѣ трети которыхъ, по признанію компетентныхъ людей, могли бы быть уволены безъ вреда для дѣла, и чрезмѣрными тратами на университеты, число которыхъ—26—почти равняется числу университетовъ всей остальной Европы, при-

чемъ среднія и нисшія училища далеко не удовлетворяютъ потребностямъ населенія, утопающаго, особенно на югѣ Италіи, въ глубокомъ невѣжествѣ и дикихъ суевѣріяхъ.

Наконецъ проектъ стремится къ осуществленію намѣренной Вилла объ уничтоженіи коллегіальности короннаго суда при присяжныхъ, къ передачѣ прекращенія предварительнаго слѣдствія самимъ слѣдователямъ, а преданія суду прокураторѣ, съ особымъ, довольно неяснымъ, порядкомъ обжалованія дѣйствій послѣднихъ.

Особенности склада итальянской исторіи дѣлаютъ покуда затруднительнымъ учрежденіе одного гражданскаго кассационнаго суда, но проектъ предполагаетъ установить такой порядокъ, что при неподчиненіи низшаго суда разъясненію мѣстнаго кассационнаго суда, дѣла передаются не въ „*cortesorella*“, какъ красиво выражаются итальянцы, не въ другой какой либо кассационный судъ, а въ римскій, который такимъ образомъ фактически становится единымъ кассационнымъ судомъ для всего королевства.

Трудно предсказать, какая судьба ожидаетъ этотъ проектъ при ненормальномъ состояніи настоящей законодательной жизни Италіи, столь плодотворной и блестящей во времена Кавура, Риказоли и Ратацци. Общее нравственное утомленіе и потеря вѣры въ себя и въ свое дѣло, признаки которыхъ столь болѣзненно сказываются теперь во многихъ явленіяхъ итальянской жизни, отражаются и на работѣ римскаго парламента. Апатія однихъ и нервный пессимизмъ другихъ отражаются на законодательномъ бездѣйствіи, причемъ цѣлыя засѣданія посвящаются безплоднымъ и пустымъ по существу, но страстнымъ и прониженнымъ личнымъ характеромъ запросамъ. Большинство палаты присутствуетъ въ равнодушномъ бездѣйствіи при горячихъ по формѣ и ничтожныхъ по значенію единоборствахъ г. г. Имбриани, Каваллоти, Люцифера (есть и такой!) и др. съ Крипи и членами его кабинета, причемъ, напр., Имбриани по вопросу о сицилійскихъ дѣлахъ восклицаетъ: „*il vostro rigolamento è da briganti, e voi siete briganti dell'ordine—ma briganti*“, и Каваллоти заявляетъ: „*vi sono marescialli dei carabinieri, chè sono tigri!*“ и т. п. А между тѣмъ проектъ

Криспи о созданіи въ Сициліи, въ сущности принадлежащей лишь нѣсколькимъ крупнымъ землевладѣльцамъ, мелкаго участковаго землевладѣнія посредствомъ выкупа земель при помощи государства и спасенія тѣмъ этой страны отъ „latifundia“, которыя уже разь, при великомъ переселеніи народовъ, имѣли такое пагубное вліяніе на Италію—все не можетъ пройти въ палатѣ и едва ли вообще пройдетъ, не смотря на то, что ненормальныя поземельныя отношенія и непосильная тягость налоговъ скопляють у подножія Этны наружныя вулканическіе элементы и съ каждымъ днемъ увеличиваютъ представителей того, что Бисмаркъ назвалъ „Catilinarische existenz“. Быть можетъ, какъ съ грустной ироніей высказался Тавани ди Календа, проектъ Боначчи, имъ перерабатываемый, составить еще „одну изъ римскихъ развалинъ“, притомъ даже недоступныхъ туристамъ, тщетно ищущимъ нѣгъ, среди широкихъ улицъ модернизированнаго Рима, съ его асфальтомъ, электричествомъ, конками и пятиэтажными магазинами, слѣдовъ стараго безошадно снесеннаго, средневѣковаго Рима, съ его самобытною и производившею глубокое впечатленіе историческою фізіономіею. Положеніе Криспи, поколебленное послѣдними событіями, едва ли дастъ ему время и средства заняться проведеніемъ этого проекта, а палата, ушедшая въ свои внутреннія пререканія, едва ли имъ заинтересуется сама.

Сквозь прорытый Сень-Готардь по желѣзнодорожному туннелю гулко и неустанно вливается въ Италію германская струя. Къ сожалѣнію она несетъ на себѣ не представителей великаго германскаго духа, а главнымъ образомъ представителей практической дѣловитости или наивнаго и шумливаго любопытства и не всегда высокихъ и разборчивыхъ вкусовъ, чрезвычайно понижающихъ требованія, предъявляемыя къ искусству обѣднѣвшаго и начинающаго уставать, но все таки геніальнаго народа, давшаго міру такъ много и въ людяхъ, и въ мысляхъ. Если пойти въ вверхъ противъ этого теченія и перебраться на ту сторону Альпъ, то тамъ приходится встрѣтиться съ другою законодательно-судебною работою, въ которой преобладаетъ характеръ не жизненный, а канцелярскій. Объединительное движеніе въ законодательствѣ германской

имперіи, вызвавшее къ жизни судъ шеффеновъ, не было направлено въ сущности противъ суда присяжныхъ. Шеффены явились какъ результатъ стремленія отрѣшиться отъ иностранныхъ учреждений въ правѣ и создать или же найти въ прошломъ что нибудь свое. Романскіе народы—говорилось въ семидесятыхъ годахъ—не имѣютъ нынѣ національныхъ судебныхъ учреждений, ибо то немногое, что у нихъ было по этой части, давно смыто волнами революціи, заставившей принять иноземное устройство,—лишь Англія имѣетъ свои собственные учреждения,—пора и Германіи имѣть таковыя же. Въ объяснительной запискѣ по начертанію новыхъ законовъ въ 1873 году говорилось: „германскій народъ, неуступающій нынѣ ни одному народу міра по своей силѣ и могуществу, не можетъ больше подражать, это не соответствовало бы его величію“. Поэтому у Карла Великаго найденъ былъ институтъ шеффеновъ (scabini), которымъ онъ замѣнилъ рахинбургговъ древнихъ франковъ. Но взято было лишь названіе и судья изъ руководителя шеффеновъ обратился въ ихъ соучастника, слышагося съ ними, какъ выразился саксонскій министръ Шварце, называвшій себя „отцомъ шеффеновъ“, химически. Однако, судъ присяжныхъ для важнѣйшихъ дѣлъ былъ удержанъ и лишь потомъ уже начался принципиальный походъ противъ него, въ которомъ приняли участіе Биндингъ и Герингъ, причемъ послѣдній, признавая присяжныхъ учрежденіемъ необходимымъ во время и тотчасъ послѣ политическихъ переворотовъ для огражденія подсудимыхъ отъ мщенія торжествующей партіи, находилъ, что въ мирное время имъ можно сказать словами Шиллера изъ „Фіеско“: „Мавръ сдѣлалъ свое дѣло—Мавръ можетъ убираться“. Но въ дѣйствительности самъ „отецъ шеффеновъ“, по отношенію къ которому одинъ изъ ученыхъ противниковъ суда шеффеновъ напомнилъ, не безъ ядовитой ироніи, слова Гейне о томъ, что „никогда нельзя быть достаточно осмотрительнымъ въ *выборъ родителей*“,—самъ Шварце не проявилъ особеннаго довѣрія къ своему дѣтищу и хотя въ основаніе судебной пирамиды и поставленъ былъ этотъ судъ, но § 354 устава уголовнаго судопроизводства и § 72 учрежденія судебныхъ уста-

повленій германской имперіи сильно ограничили безусловное довѣріе къ нему, установивъ право апелляціи на приговоры этого суда въ уголовную камеру окружнаго суда (Strafskammer des Landgerichts), т. е. суда короннаго. Такимъ образомъ все свелось, въ окончательномъ результатѣ, къ работѣ уголовной камеры и хотя шеффены вообще не вызываютъ противъ себя нареканій, но повидимому дѣятельность ихъ довольно пассивна и они охотно предоставляютъ коронному судѣ ту работу мышленія, которую законъ хотѣлъ распределить на троихъ. Не даромъ, съ добродушнымъ германскимъ юморомъ, къ нимъ примѣняютъ иногда названія — „Weischläfer и Jasager“.

Тѣмъ не менѣе потребность пересмотра уголовного процесса въ Германіи стала назрѣвать. На нее указывали многія дѣла, привлекавшія общее вниманіе, о ней говорили на сѣздахъ германскихъ юристовъ въ Вюрцбургѣ, Гамбургѣ и Гейдельбергѣ, а въ особенности на XXII сѣздѣ въ Аугсбургѣ въ прошломъ 1893 году. Тамъ знаменитый Гнейстъ выступилъ горячимъ защитникомъ шеффеновъ и присоединился къ противникамъ присяжныхъ, доказывая, что на послѣднихъ вліяютъ обстоятельства и соображенія, почерпнутыя не исключительно изъ судебного слѣдствія, а изъ жизни внѣ стѣнъ суда, какъ будто, по отношенію къ житейской сторонѣ дѣла коронные судьи уже безусловно такіе, по выраженію Пушкина, „духомъ хладные скопцы“, что ихъ умъ и чувство не переходятъ никогда за предѣлы обвинительнаго акта и какъ будто и самъ законъ не открываетъ имъ поля въ правѣ давать снисхожденіе и ходатайствованіе о милости монарха. Кромѣ того Гнейстъ заявилъ, что наставленіе предсѣдателя, такъ называемое Rechtsbelehrung, только путаетъ и сбиваетъ съ толку присяжныхъ. Поэтому онъ предложилъ замѣнить присяжныхъ повсюду шеффенами. Съ этимъ предложеніемъ, стремившимся вовсе уничтожить то, что можно исправить, сѣздъ однако не согласился, высказавъ лишь пожеланіе, чтобы средніе суды имѣли шеффеновъ, разумѣя подъ средними судами уголовную камеру Landgericht'a. вмѣстѣ съ тѣмъ высказано было пожеланіе объ общемъ пересмотрѣ нѣмецкихъ судебныхъ уставовъ. Казалось, однако, что этимъ заявленіямъ предстоитъ остаться въ области платоническихъ

мечтаній далекихъ до практическаго осуществленія, какъ вдругъ, подобно Минервѣ изъ головы Юпитера и при томъ, кажется, вопреки мифу, безъ особой головной боли, явился выработанный бюрократическимъ путемъ, безъ надлежащихъ и всестороннихъ запросовъ и справокъ и безъ совѣщаній со свѣдующими людьми, обширный проектъ преобразованій по судебной части, внесенный прусскимъ министромъ юстиціи въ союзный совѣтъ, подъ длиннымъ названіемъ: „Entwurf eines Gesetzes betreffend Aenderungen und Ergaenzungen des Gerichtsverfassungsgesetzes und der Strafprozessordnung“.

Баварія и Вюртембергъ, умѣвшія сохранить, и при гегемоніи Пруссіи нѣкоторую самостоятельность, сначала предъявили сильный протестъ противъ предложеній прусскаго министерства, но затѣмъ ихъ согласіе было куплено незначительными уступками и проектъ, пройдя благополучно Союзный Совѣтъ, внесенъ нынѣ въ Рейхстагъ, рѣшеніе котораго по этому поводу не можетъ не интересоватъ всякаго мыслящаго юриста, тѣмъ болѣе, что проектъ вызвалъ оживленные разборы и цѣлый рядъ очень интересныхъ по содержанию и по точкамъ зрѣнія монографій, между которыми особенно выдѣляются „Zur Reform unseres Strafverfahrens“ Ауербаха, „Betrachtungen über die Novelle zum Gerichtsverfassungsgesetz und Strafprozessordnung“ Шенемана, — „Die Gefahren der neuen Novelle — Bedenken aus der Praxis“ Мамрота, „Wider die Berufung“ Штенглейна и др.

Прежде чѣмъ перейти къ очерку этого проекта необходимо замѣтить, что главное и общее начало обновленнаго суда во второй половинѣ XIX столѣтія состоитъ въ постановкѣ живаго человѣка на первомъ планѣ судебного разбирательства и признаніи его самого однимъ изъ главныхъ „обстоятельствъ дѣла“, подлежащаго сужденію. Изъ этого жизненнаго начала, созданнаго долгимъ опытомъ предшествовавшихъ лѣтъ, вытекають — непосредственность разбирательства, широкое пользованіе средствами оправданія и довѣріе къ приговору суда, постановленному подъ живымъ впечатлѣніемъ. Безусловнымъ слѣдствіемъ этого являются — значительное сокращеніе заочныхъ разбирательствъ, устность, широкая возможность возобновленія дѣлъ и рядъ гарантій, обеспечивающихъ

общественный порядокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ограждающихъ личность подсудимаго отъ послѣднихъ мѣръ и выводовъ. Но стоитъ отодвинуть назадъ этого живаго человѣка, заслонивъ его бумагою, стоитъ замѣнить живое отношеніе между подсудимымъ логическимъ процессомъ надъ безформенными, лишенными индивидуальности документами, чтобы въ судоустройствѣ вмѣсто судебного организма выступила судебная машина, которая не станетъ, подобно организму, отвергать все несвойственное его назначенію, но будетъ болѣе или менѣе усердно перемалывать свой матеріаль, не давая удовлетворенія чувству справедливости и не достигая доступной человѣческому пониманію внутренней правды дѣла. Приговоры такой машины, сколько бы труда въ нихъ ни было вложено, не будутъ имѣть нравственнаго вліянія на общественную жизнь и ея проявленія. „Le grain moulu en farine, говоритъ глубокий мыслитель Амьель, ne saurait plus ni germer, ni lever...“ Оттѣножь именно такой машинообразности лежитъ на всемъ германскомъ проектѣ.

Основная мысль его состоитъ въ томъ, что цѣль правосудія лучше всего достигается возможно широкимъ введеніемъ начала апелляціоннаго обжалованія. По этому оно вводится въ большихъ размѣрахъ—въ ущербъ цѣлому ряду „такъ называемыхъ“ (sogeannt), какъ выражается проектъ, „гарантій“, которыми былъ обставленъ обвиняемый при существованіи одной инстанціи. Сюда относятся своевременное сообщеніе обвинительнаго акта, считаемое по § 137 проекта, вовсе не существеннымъ,—затѣмъ право отвода судей, право подсудимаго требовать предварительнаго изслѣдованія или слѣдствія, право представленія новыхъ доказательствъ и т. п. Оно связано, съ другой стороны, съ крайнимъ ограниченіемъ случаевъ кассации и въ особенности случаевъ возобновленія дѣлъ, изъ которыхъ совершенно исключается, на примѣръ: возобновленіе при наказаніи свыше мѣры содѣянаго и т. п. Одновременно съ этимъ настойчиво преслѣдуются цѣли экономіи, въ забвеніи мудраго изреченія Бентама что „дешевый судъ дорого обходится народу“. Обязательный пятичленный составъ судовъ, по закону 1877 года (исключая

шеффеновъ) обращается въ трехчленный съ правомъ участія при обсужденіи вопроса о винѣ и о наказаніи тѣхъ же членовъ, которые участвовали въ преданіи суду, при чемъ самые случаи необходимости обряда преданія суду сокращаются весьма значительно и вообще чрезъ весь проектъ проходитъ мысль, что *оправданіе* должно быть предпочитаемо *освобожденію отъ суда*, хотя бы послѣднее и спасало невинно привлеченнаго отъ ряда нравственныхъ страданій. Но къ суду людей, предававшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ суду, хотя бы они и не всѣ въ немъ участвовали, возможно примѣненіе словъ защитника Людовика XVI de Ceza „я ищу судей и вижу лишь обвинителей“.

Вводя вновь заключительное слово предсѣдателя въ старомъ „французскомъ“ объемѣ, т. е. съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла, вмѣсто установленнаго въ 1877 году правового поученія (Rechtsbelehrung) и говоря въ § 300, что „der Vorsitzende giebt den Geschworenen mündlich eine Uebersicht über die Ergebnisse der Verhandlung und belehrt die Geschworenen über die rechtlichen Gesichtspunkte u. s. w.“ проектъ расширяетъ случаи заочнаго разбирательства и, усиливая власть предсѣдателя на счетъ правъ судебной коллегіи, даетъ ему даже право довольно оскорбительнымъ образомъ освобождать свидѣтеля отъ присяги (которая по проекту приносится *послѣ* дачи показанія), если по его убѣжденію показаніе свидѣтеля представляется неправдоподобнымъ. Внутренняя самостоятельность судовъ совершенно устраняется новымъ проектомъ. Распределение занятій, порядокъ составленія присутствій, замѣщеніе однихъ судей другими, распределение ихъ по сенатамъ (отдѣленіямъ суда)—все это опредѣляется центральнымъ судебнымъ управленіемъ (Landesjustizverwaltung), а по отношенію къ кассационному суду (Reichsgericht) государственнымъ канцлеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по § 27 устава въ измѣняемой проектомъ редакціи—подсудность суда шеффеновъ и по § 73 статьѣ—уголовной камеры ландгерихта значительно расширяется. Достаточно сказать, что суду уголовной камеры становятся подсудными не только случаи лжеприсяги, но и всѣ изнасилованія и растлѣнія, подлогъ официальныхъ бумагъ, служебный подлогъ и злостная несостоя-

тельность, караемая цухтгаузомъ до 10 лѣтъ, не считая штрафа.

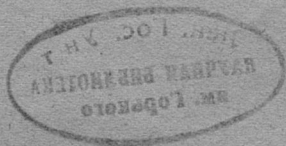
Объяснительная записка къ этому проекту (Allgemeine Begründung) не содержитъ никакого отвѣта на многіе невольно возникающіе вопросы и написана съ краткостью, къ которой примѣнимо нѣмецкое выраженіе Kurz und bündig.

Такимъ образомъ весь центръ тяжести будущаго германскаго судоустройства переносится на коронный судъ и всеобщимъ лекарствомъ отъ поврежденій, вызываемыхъ упраздненіемъ многихъ существенныхъ гарантій личности и правильнаго отправленія правосудія, является апелляція, отодвигающая живаго человѣка на задній планъ. Любовное отношеніе къ этому „данайскому дару“ т. е. къ апелляціи, развивающееся въ Германіи и составляющее несомнѣнный шагъ назадъ, дѣйствуетъ заразительно и распространяется и на Австро-Венгрію. Въ IV книжкѣ „Zeitschrift für gesammte Strafwissenschaft“ за 1894 годъ помѣщена статья доктора Вамбери, въ которой излагается проектъ профессора Файера, который предлагаетъ новую организацію австро-венгерской уголовной юстиціи, въ силу которой на приговоръ присяжныхъ, какъ и суда первой инстанціи, допускается широкая апелляція въ судъ самой высшей степени, который или самъ оправдываетъ подсудимаго или смягчаетъ ему наказаніе, или же, признавая необходимость осужденія, а также усиленія наказанія, направляетъ дѣло въ подчиненный ему высшій судъ второй степени, который не находится въ одномъ рангѣ съ судомъ первой степени (nicht coordiniert), дѣйствующемъ съ присяжными и безъ присяжныхъ. Сюда же относится болѣе чѣмъ смѣлый проектъ организаціи обще-нѣмецкаго процесса, составленный судьей Замтеромъ подъ названіемъ „Изъ практики суда шеффеновъ“, (Aus Schoeffengerichtlicher Praxis), въ коемъ, между прочимъ, предлагается оставлять въ силѣ состоявшееся безъ особенныхъ судопроизводственныхъ нарушеній рѣшеніе присяжныхъ *по вопросу о фактѣ*, предоставивъ кассационному суду исправлять, въ интересахъ закона и правосудія, рѣшеніе присяжныхъ *по вопросу о вѣрности*, т. е. въ сущности разрѣшать по бумагѣ вопросъ, который, болѣе чѣмъ что либо,

требуетъ судейскихъ наблюденій и отчета о научныхъ изслѣдованіяхъ надъ живымъ человѣкомъ.

Это направленіе вызвало впрочемъ чрезвычайно остроумное и всестороннее изслѣдованіе альтонскаго члена суда Томсена объ условіяхъ безапелляціоннаго производства („Das berufungslose Strafverfahren und seine natürlichen Functionsbedingungen“ Gerichtsaal 1894), которому онъ предпосылаетъ аллегорическій разсказъ. Знатный римлянинъ Aulus Agerius устроилъ въ своемъ домѣ двѣ печи, топя которыя послѣдовательно одну за другою, не могъ добиться надлежащей температуры и страдая отъ холода, рѣшилъ бросить обѣ печи и устроилъ одну усовершенствованную и большую. Но и тутъ температура не поднялась, несмотря на прекрасное устройство новой печи. Тогда Aulus Agerius бросилъ съ негодованіемъ новую печку и снова обратился къ двумъ старымъ, несмотря на ихъ недостатки, имъ давно признанные. „Онъ забылъ—замѣчаетъ авторъ—поискать причину неудовлетворительности новой печи, а она между тѣмъ была простая:—въ эту печку вкладывались сырыя и дурныя дрова и при томъ неумѣлыми руками“.

Проекту новаго германскаго процесса нельзя однако отказать въ нѣкоторыхъ достоинствахъ. Сюда относится прекрасная разработка вопроса объ условіяхъ передачи дѣлъ изъ нисшаго суда въ высшій при измѣнившейся подсудности и о быстромъ и цѣлесообразномъ производствѣ дѣлъ по преступленіямъ съ поличнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ проектъ почти цѣликомъ переноситъ на нѣмецкую почву французскій порядокъ преслѣдованія *en flagrant délit*, откровенно признавая его образцовымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ устанавливаетъ право коронаго судьи при шеффенахъ постановлять приговоры безъ ихъ участія, если подсудимый не отрицаетъ фактической стороны своего дѣянія. Такимъ образомъ предсѣдатель шеффеновъ признается вполне пригоднымъ судьей для единоличнаго сужденія о вѣнненіи, а разсмотрѣнію шеффеновъ этотъ вопросъ оказывается подлежащимъ лишь при отрицаніи подсудимымъ фактической обстановки. Едва ли однако это ограниченіе ихъ дѣятельности вяжется съ тѣмъ преклоненіемъ предъ ними, которое было высказано на XXII съѣздѣ въ Аугсбургѣ и надъ кото-

рымъ зло подсмѣивается Дербургъ въ оригинальной брошюрѣ „Die Phantasie im Rechte“.

Таковы въ общихъ чертахъ проекты Итальянскій и Германскій. Ихъ относительное достоинство болѣе или менѣе ясно. Если, не смотря на нѣкоторые недостатки, источникомъ которыхъ служатъ не юридическія соображенія, а обостренное чувство національнаго раздраженія, Итальянскій проектъ всетаки отличается жизненностью и проникнуть искреннимъ желаньемъ улучшить условія уголовного процесса, — то этого вовсе нельзя сказать про германскій проектъ, въ которомъ безжизненное апелляціонное начало вытѣсняетъ собою „die sogenannten Garantien“, а къ липаемому внутренней самодѣятельности судебному сословію примѣнимо выраженіе профессора Фойницаго о „магистратурѣ, тонущей въ бюрократіи“. Не безъ гордости за начала нашихъ Судебныхъ Уставовъ можемъ мы взирать на эти судебнозаконодательныя попытки. Стоитъ припомнить широкую постановку вопроса о правахъ подсудимаго по вызову свидѣтелей и по ознакомленію съ дѣломъ, — стоитъ взглянуть на 612 ст. уст. угол. суд. предписывающую председателю предоставлять каждому подсудимому всевозможныя средства оправданія и на ст. 739 запрещающую прокурору представлять дѣло въ преувеличенномъ или одностороннемъ видѣ, стоитъ лишь отмѣтить, какъ чуждо нашимъ Уставамъ установленіе двусмысленныхъ положеній, въ родѣ разрѣшенія присяжнымъ воздерживаться отъ подачи голоса, и какъ спокойно, безъ всякихъ шумныхъ проектовъ, дано у насъ присяжнымъ право участія въ постановкѣ вопросовъ по 762 ст. уст. угол. суд....

Предпринятый въ настоящее время пересмотръ этихъ уставовъ не можетъ измѣнить и конечно не измѣнитъ въ чемъ либо общихъ началъ, заложенныхъ въ ихъ фундаментъ, и я кончаю мою бесѣду съ вами, Милостивые Государи, въ увѣренности что этотъ пересмотръ пойдетъ самостоятельнымъ и широкимъ путемъ — къ удовлетворенію потребности населенія въ доступномъ, скоромъ и справедливомъ судѣ, при соблюденіи уваженія и вниманія къ трудамъ и завѣтамъ предшественниковъ и при безусловномъ сохраненіи въ новыхъ начертаніяхъ основныхъ началъ истиннаго правосудія и возвышающей ихъ челоуѣчности....

3
Lp. 1